

Министерство образования Республика Беларусь

Учреждение образования
«Полоцкий государственный университет»

Историко-филологический факультет

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБЪЕКТИФФ

Литературный альманах

Основан в 2014 году

Выпуск 1

Новополоцк
ПГУ
2014

В альманахе представлены художественные литературные произведения, переводы и публицистика. Целью издания является развитие и продвижение литературного творчества студентов и преподавателей Полоцкого государственного университета, а также оживление интереса к текущему литературному процессу.

Редколлегия:

А.И. Мозго (отв. редактор), *Д.А. Лабовкин*, *С.В. Гочаков*

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор,
член Союза писателей Беларуси *А.А. Гугнин*;
кандидат филологических наук, доцент *Н.Б. Лысова*

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Не является новостью тот факт, что поступая на специальность «Романо-германская филология», большинство молодых, полных энтузиазма людей в основном рассчитывают стать квалифицированными переводчиками или же преподавателями. Это непреложное правило, но мир был бы скучен без исключений. Все же за столь длинным названием кроется необъятная вселенная, именуемая литературой. Волшебный мир образов из хитросплетения слов уносит нас от забот повседневности, очаровывает своей умелой игрой, вовлекая в процесс сотворчества наше воображение и наши сердца. Мы мечтаем, мы творим. У каждого свой собственный путь, кто-то стоит в начале, не решаясь сделать первый шаг, кто-то же давно идет по дороге муз. С уверенностью можно сказать лишь одно: не стоит останавливаться на достигнутом. Поэзия, проза, переводы – вот наше поле деятельности.

Мы – филологи из Полоцка, одного из старейших городов Беларуси. Стоит лишь обратиться к истории нашего университета, культурному наследию города, как возникает мысль о необходимости возрождении традиций словотворчества в стенах иезуитского коллегиума. Казалось, при всем многообразии печатных изданий, мы говорим об упадке литературы, в то время как многие из нас просто пишут в стол. Квалификация «филолог» подразумевает не только безупречное владение лингвистическими и литературоведческими дисциплинами, но все же и реализацию их на практике, и творчество – одна из прекрасных возможностей претворения своих мечтаний и знаний в жизнь. Донести через художественные образы сокровенные мысли, наши мечты и переживания и пригласить вас, читатели, стать активными участниками литературного процесса – вот наша цель. Вам нравится сочинять и переводить, у вас есть любимые книги, о которых вы хотите рассказать, или же вы начинающий критик, или же просто любите читать? Мечтайте, читайте, творите, дерзайте!

С уважением, Анастасия Мозго

Движение от хаоса к порядку, от ясного образа к его полному отсутствию является неизменным свойством человеческого мышления. Гармонией хаоса мы называем любое великое творческое проявление. Произведение искусства – реальность, не поддающаяся рациональному анализу, и этот факт выводит само искусство далеко за рамки причинно-следственной парадигмы.

Основная задача художника – быть искренним с самим собой. Его главная цель – суметь выразить то, что он не может оставить невыраженным. Искключительная особенность настоящего писателя состоит в том, что он прочитал гораздо больше, чем написал сам. А подлинный талант заключается в способности увидеть что-то сокровенное и поистине важное там, где другой не видит ничего.

Дорогие читатели, а также начинающие писатели, поэты и переводчики! Призываем всех, кто неравнодушен к творческому процессу, всех, кто любит творить и не мыслит себя без этого, дерзать и позволить, наконец, своим сочинениям увидеть свет. Мы уверены, они только и ждут, чтобы их прочитали. Тем более, что у вас появилась замечательная, можно сказать, уникальная возможность поделиться своими талантами, идеями и фантазиями с окружающими, чему мы искренне рады. Отправляясь вместе с вами в это необыкновенное путешествие, хотим пожелать всем удачи, творческих успехов и крепкого здоровья.

С уважением, Сергей Гочаков

Дорогие читатели! На страницах нашего издания нам хотелось бы видеть оригинальные, необычные, но вместе с тем (что более важно) стилистически выдержанные тексты. Поэтому мы считаем, что с нашей стороны было бы правильно наметить стилистические ориентиры, придерживаться которых мы ненастоятельно рекомендуем.

Наверное, многим из вас знакомо то разочарование, которое постигает начинающего писателя, когда тот понимает, что стать новатором в современном литературном мире невозможно. Действительно, современные постмодернистские тенденции часто обращают нас к классическому канону стиля, который является платформой для бесконечных отсылок и аллюзий. Однако лучшие представители литературы наших дней не стремятся быть авангардистами, а, напротив, принимают сложившуюся ситуацию и, несмотря на это, продолжают писать солидные художественные тексты. Например, такие романы как «Женщина французского лейтенанта» Джона Фаулза, «Любовь живёт три года» Фредерика Бегбедера, «Реки» Евгения Гришковца если и не приобрели статус классики, то уж точно стали знаковыми произведениями своего времени. Тем не менее, очевидно, что для Фаулза ориентиром стиля являлся викторианский роман, а у Бегбедера и Гришковца соответственно угадываются Пруст и русские классики XIX века. Поэтому наше напутствие заключается в том, что мы желаем вам следовать примерам тех писателей, произведения которых уже давно стали классическими. Кроме того, не нужно стремиться «писать, как Бегбедер» или «писать, как Гришковец»! Всё-таки видные современные литераторы также в каком-то смысле являются авангардистами своей эпохи, а стремление подражать авангарду часто приводит к эпигонству. Уж лучше подражайте Толстому, Фицджеральду или Ремарку, а учитесь этому у Бегбедера и Гришковца!

Искренне Ваш, Дмитрий Лабовкин

ПОЭЗИЯ

*АЛЕКСАНДР ГУГНИН, заведующий кафедрой мировой литературы и культурологии***Озеро детства***Всем, с кем я здесь был*

В тумане озеро. У мокрого причала
Рукой холодной сонно трем глаза.
В порядке весла, снасти, хлеб и сало,
И в крупных каплях на борту роса.

И шёпотом лишь сумрак искушая,
Мы тихо в даль туманную плывем,
Прекрасный день и отдых предвкушая,
Мы не торопимся и ничего не ждем –

Лишь только б все почувствовать, как прежде:
Как тает ночь, как птичий хор поет,
Как солнце в затуманенной одежде
Из-за холмов нам вести подает.

Все чувства до корней раскрепостились,
Слух ловит всплески, шорох, скрип и вздох,
Глаза к туману, к свету причастились,
И кожа с ветром говорит без слов.

Вот наш залив. Здесь тихо якорь бросим.
И перед тем, как удочки взметнуть,
Чуть-чуть удачи про себя попросим.
Не счастья, нет, удачи лишь чуть-чуть:

Чтоб солнце так же ласково светило,
Чтоб ветер копошился у весла.
Чтоб этих вод магическая сила
На родину по прежнему звала.

1995

Поздний совет*Юрию, сыну*

Бросайся в жизненный поток,
Плыви в нем щепкой беззаботной,
Свершив свой заданный урок,
Ты завершишь свой путь природный.

А если что тебе дано
И суждено чему-то сбыться,
Оно свершится все равно,
И вряд ли стоит суетиться.

И волю дерзкую свою
Ты не растрчивай напрасно,
Судьбы незримую струю
За нить не дергай ежечасно.

И сил избыток не спеши
Бросать налево иль направо,
И знай, что для твоей души
Всего губительнее слава.

Вниманьем кротким запасись,
Чтоб сфер услышать звон унылый
И разгадать загадку – жизнь –
Без лишних и пустых усилий.

А если не растратишь пыл,
И сохранишь души волненье,
То духи встанут из могил
Твое отпраздновать рождение.

И в этом избранном кругу
Тебя иная ждет дорога...
Но не испытывай судьбу
И не гневить старайся... Бога

22 января 1995, Вена

*ЕЛЕНА ЧУЛОВА, преподаватель кафедры
мировой литературы и культурологии*

Ромео мерзнет под балконом

Изо всех гармоний смертный выберет, пожалуй, ту,
Где перо свободно чертит, ноты по белу бегут.
Созерцание асфальта – свойство скованных натур,
Ищущих следы от нефти под ногами на снегу.

Под балконом канцонеттой я весь дом растормошил,
Обращаясь к самым светлым сторонам ее души.
Вышла кошка из подъезда повалиться на снегу,
И сосед заткнуть подушкой оба уха поспешил.

Не сбежите, хоть умрите, от преследующих глаз,
Если к вам портреты зрителей повернуты ан фас.
Был приятный звонкий голос, а сейчас я не могу.
Мне стаканчик лимонада, если можно, то сейчас.

Просыпается Джульетта, ее спешно будит мать.
– Недотепа, под балконом, голосит, мешает спать.
Закажи фотопортреты всей оставленной семьи,
Заскучаешь – сразу думай: не зайти ли поболтать?

Всю дорогу от порога ветер снегом завалил.
Ветры дуют в этом месте сколько кружится земля.
Вдохновение от Бога, с разрешенья короля...
Монополию британцы, к сожаленью, завели.

Если что-то не умеешь, далеко ли до беды...
Если нету лимонада, то, пожалуйста, воды...
На снегу почти не виден выбеленный мелом дом...
Мысли кружатся на месте, я поймал себя на том...

Кожа пахнет водой...

Вечер. Разбило весло
Хрупкой воды стекло,
И потеряла сон
В зарослях чуткая птица,
Украдкой от нас ушло
Дней июньских тепло
И за собой провело
Временную границу.
Сетку сплетает закат
На ласковой стылой воде,
Но над волной кое-где
Все еще движутся лица
Тех молодых людей,
Которым, возможно, нигде
Между собой и с природой
Так не случилось бы слиться.

АНАСТАСИЯ МОЗГО, магистрант

Сонм ангелов парил у изголовья
Прекрасной девы в сумраке ночи,
Небесным светом озаряя стены
Убогой комнаты, затмив сияние Луны.

И снилось мне забытое распятые,
Слеза кровавая, испытые мечты,
И гимны пелись о возврате
Чистейше-праведной души.

Небес лазурных теплая улыбка
И вод морских объятие любви,
И солнца пылкого вуаль ложится
На плечи бледные усталые мои.

И верится, что смерти нет на свете,
И хочется любить, творить, мечтать,
И сердце нежится в весеннем цвете,
И нет желания от счастья убежать.

Столь дивный сон, минута упования,
Услады трепетной очередная пустота
Теряется с минутой первой расставанья...
О грезы! Не терзайте вы меня!

Под покрывалом тонким, сотканным из жизней,
Из тысяч слов, страданий пут, оков,
И в одиночестве моей последней тризны,
Увы, не воспою я хладнокровия богов.

Молчат они, вы, ангелы, не пойте,
Не донесется глас ваш до его очей!
В мгновение нить судьбы прервется,
Как ни приветствуй утро соловей!

Среди дорог, путей, еще не проходимых,
Средь ветхих и покинутых сердец,
Средь мук предсмертных, средь людей любимых
Не обретешь ты единения венец,

Пока в душе бушуют ураганы,
Пока в скитаньях мыслей череда,
Пока в былых воспоминаний караване
Еще сочится горько-черная слеза,

Пока родник, питающий утраты,
Все поит кисло-сладкою росой,
Пока леса тебя манят свирепым мраком,
А не усладой, не прохладой роковой.

Найди же путь средь песнопений дерзких,
Осколков чувств своих и памяти колец,
И обрети свободу, пусть и не крылата,
И воспарь над прошлым наконец!

Впусти любовь, и веру, и надежду
В себя, иль им окошко отвори,
Живи, молю, и не смотри на раны,
Они исчезнут, верю я, пари!

ПРОЗА

ЕЛЕНА БАЛТРУКОВА, студентка гр. 09 АЯ-2

ТРОЕ НА МОСТУ

О, как прекрасно: солнце мягко целует макушку, ветер ерошит волосы, – впереди еще два дня выходных и они обещают, нет, клянутся быть столь же весенне-радостными, звонкими и насыщенными.

На мосту я остановился, набрал полные легкие весны, улыбнулся и взглянул на часы. Отлично, у меня еще есть где-то около часа в запасе, цветы ей куплю по дороге, а пока можно расслабиться и насладиться погодой. Как же хорошо. Река еще дышит холодом, на ее волнах покачиваются блики и мусор.

– Может с моста броситься? Это так просто: дожидаться, пока поблизости не будет машин, перелезть через перила и броситься в эту реку с головой.

Я перегнулся через перила моста и начал всматриваться в темно-синюю поверхность. Кое-где река была помельче, и я мог разглядеть дно сквозь речную муть.

– Если постараться и попасть туда, где мелко, то я сломаю себе позвоночник. Это будет наверняка. Обидно, когда желая покончить с собой, становишься инвалидом, овощем, прикованным к кровати. Тогда второй попытки точно не представится.

– Черт возьми! О чем я только думаю? Почему мне вообще пришла в голову мысль броситься с моста? У меня же все хорошо: работа, достаток, девушка, родители – многие люди убить готовы за такую жизнь, а я себя ее лишиться собрался!

– Да в том-то все и дело, что не моя это жизнь, я не приложил никаких усилий, чтоб добиться всего, что имею. Более того, я и не хотел этого никогда. Я вообще никогда не думал о том, чего хочу, просто плыл по течению. Все, как у всех, как положено: школа, университет, друзья, семья, карьера... Это все не мое, за меня проживали жизни сотни, тысячи, миллионы людей, таких же бесполезных, высохших изнутри. Я просто марионетка. Меня нет, я не существую, я эманация общественных предрассудков.

– Я могу все исправить! Я могу взять жизнь в свои руки! Просто нужно понять, что же мне нужно, кто я, где мое место. Так, отошел сейчас же от перил, и вали перекраивать жизнь свою!

Но вместо этого я шлепнулся на тротуар и засмеялся, прижавшись лбом к холодному бетону. Отлично! Я теперь разговариваю сам с собой. Мало мне мыслей о суициде, так я еще и дискуссию развел!

– Ничего смешного! Ты хоть понимаешь, в какой ситуации оказался? Что люди о тебе подумают? Встань с тротуара, сейчас же! Чем, чем тебе твоя жизнь не угодила? Получил все без труда и теперь с жиру бесишься. Ты хоть понимаешь, как тебе повезло? Чего ты от жизни еще хочешь? Трудностей? А зачем? Откуда у людей вообще такая дурацкая привычка – проблемы себе на пустом месте создавать? Почему ты считаешь себя особенным, достойным чего-то иного? Да и чего вообще? Ты же сам не знаешь, что тебе надо, так и принимай то, что у тебя есть с благодарностью!

– Да. Я тупая, бесхребетная дрянь. Не лучше и не хуже других – просто серость. Что, в самом деле, я о себе возмнил? Вот сейчас пойду, подарю девушке букетик, дам денег на сумочку и маникюр, женюсь, состарюсь и издохну, ненужный никому. А кому я нужен? Меня заменить можно кем угодно, обо мне и на похоронах-то плохого говорить не станут, потому что говорить будет нечего!

– Да какая разница, что о тебе скажут, и будут ли говорить вообще! Ты живешь здесь и сейчас! Ты! Ты! Ты! И никто другой за тебя эту жизнь не проживет. Так встань и иди! Иди, меняй мир вокруг себя, пробивай сам свой путь!

– Меня всегда слишком волновало, что обо мне скажут, подумают – глупое тщеславие! Из-за этого я и превратился в такое ничтожество. Как я ненавижу это все: тупое людское стадо из поколения в поколение передает эту «мудрость»: будь как все. О, да! Они не прощают тех, кто не идет с ними, кто не жаждет стать их частью, заслужить их уважение. Надо учиться, искать работу, заводить семью... Невидимыми ниточками они связывают меня по рукам и ногам, пытаются убедить в ценности всей этой чуши, они хотят, чтобы я боялся все это потерять. Так они меня контролируют. Моя жизнь мне не принадлежит, ведь я даже не решаю, когда ей должно завершиться.

– Нет, нет, нет. Все не то. Все не так! Зачем обвинять в своих бедах общество? Разве не сам я виноват, что позволял помыкать собой? Я пойду против них и добьюсь своего. Тогда они увидят... Да, они поймут, они признают меня! К чему эта смерть? Что я этим докажу?

– Что? Я не намерен перед ними выслуживаться! Я не буду оправдывать свои поступки, я не хочу делать все наперекор обществу, чтобы в итоге они все же приняли меня. Это тупик. Я вырвусь из этого порочного круга. Я стану хозяином своей жизни!

– Убив себя?

– Именно! Разве не это настоящая власть над собой?

– Зачем? Объясни, зачем убивать себя? Я же был доволен и счастлив, я радовался жизни. Я все еще могу получать удовольствие от нее. Не всем быть великими, не у всех необычная судьба. Зачем лишние трудности, если мне хорошо и спокойно? Все дело в мелочах, в криках чаек, в дыхании любимой возле самого уха, в запахе кофе по утрам. Зачем все усложнять? Зачем делать из жизни эпическую поэму?

– Заткнись, убожество!

– Да, да, да! Я такой! Я слабый, безвольный, скучный, ничем не примечательный, но я же живу, я счастлив, у меня есть все!

– Это иллюзия – ничего у меня нет, ничего я не добился сам, да и не хочу я этого. Я и так уже труп. Я разлагаюсь заживо. У меня нет ни чувств, ни амбиций, ни желаний. Я не люблю свою девушку, просто она нравится всем моим знакомым. Мне плевать на работу – я делаю ее на автомате. Мне плевать на авторитет среди тех, кого я не уважаю, кто приходит и уходит, чье мнение так быстро меняется, короче, мне плевать на людей.

– И что? Умереть от этого? Я могу уважать себя, делать то, что нравится, найти настоящих друзей, встретить настоящую любовь. Просто не нужно бояться бороться за свое счастье.

– Какое счастье? Я не считаю это счастьем, мне не нужно все это!

– А что, что нужно-то?

– Ничего!

– Неправда! Я хочу жить, я хочу получать все от жизни! Есть столько мест, где я не бывал, столько людей, с которыми боялся познакомиться, столько дел. Я не хочу ничего упустить. Поэтому я и бунтую, поэтому мне все осточертело. Не останься во мне ничего живого, разве я бы ощущал такое отчаяние, токую тоску по настоящей жизни?

– Да сколько можно! А разве это – не настоящая жизнь? Все равно, однажды я пойму, как важна в жизни стабильность и размеренность. Ты называешь это скукой, предсказуемостью? А я говорю: это уверенность в завтрашнем дне!

– Когда же ты замолчишь? Все! Начинаю жить заново, для себя и только для себя! Не важно, добьюсь ли я успеха и уважения – я буду делать то, что мне нравится.

Я встал и уверенно зашагал вперед, навстречу новой жизни. Так легко, не касаясь земли. Внутри подпрыгивал теплый, упругий мячик, задевая желудок, сердце, легкие.

– Хорошо. Главное – ничего не забыть. Это продолжалось слишком долго. Да, слишком долго. Теперь – самое важное: она любит розовые тюльпаны. В прошлый раз купил розы, она носик сморщила. Так мило. Но больше я не допущу этой ошибки. Добрый день. Девушка, букетик тюльпанов, розовых. И упакуйте как-нибудь празднично. Что? Почему плачу? Так весна же – аллергия. Да, покупаю цветы – чего ради девушки не сделаешь. И вам всего доброго.

СЕРГЕЙ ГОЧАКОВ, студент гр. 09 АЯ-2

АБРАКАДАБРА

Как далеко простирается перспективный характер существования или даже: есть ли у последнего какой-нибудь другой характер, не становится ли существование без толкования, без «смысла» как раз «бессмыслицей».

Фридрих Ницше

Его взор, надменный и твердый, был устремлен в неведомую пустоту. Лектор сидел за столом, чуть согнувшись, сложив перед собой руки. В образе его было что-то отталкивающее, и при виде его, наверное, даже самый бывалый смельчак мог обмельчать и съезжиться от неудобства и страха. Его кривой нос висел на лице, словно ненужный надорванный парус или сломанная дверная ручка. Уродливый шрам от самого виска и до кончика подбородка разрезал его лицо на две неравных части, придавая его виду, ко всему прочему, оттенок прошлого страдания и жуткой боли. Тонкие крючковатые губы застыли в неестественной позе и, казалось, уже давно не меняли своего причудливого положения. Черные, как крепкий кофе, мешки под глазами выдавали в нем человека думающего, болезненного и совсем мало спящего.

Рядом с ним, на столе, лежала темная деревянная трость, пугающая не менее, чем ее обладатель, своим позолоченным набалдашником. Искаженная в своих формах, толстая петушиная голова помещалась на крепком человеческом туловище, из которого, вместо ног, вырастали две извивающиеся змеи с разинутыми клыкастыми пастьми. Лектор глубоко вздохнул и продолжил свой монолог:

– ... писателю не обязательно быть философом. Писатель вовсе не должен заниматься разработкой философских дефиниций. Его философия таится в образах, им созданных. Но, так или иначе, мы можем заметить, что многие писатели и художники плавали в огромном океане идей рядом с идеями Ницше. Творчество Максима Горького, Томаса Манна, Германа Гессе, Альбера Камю и многих других, этот список, безусловно, можно продолжить, так или иначе связано с философией Ницше. Знаменитый французский экзистенциализм взрастет

на идеях Паскаля, Достоевского, Кьеркегора, Хайдеггера и, конечно, на идеях Ницше. Экзистенциальная идея, возникшая в противоположность идеи диктаторской, отстаивает автономию каждой личности. В каком-то смысле человек для экзистенциалистов это и есть истина.

Кто же такой этот самый Ницше? Это до безумия застенчивый человек, внутри которого разрывается энергия мысли. Его мысль – бомба, которая взорвала традицию, надломил столпы, на которых держались все человеческие ценности. Его идеи обладают потрясающей художественной силой, а первые работы уже несут на себе отпечаток гениальности. Аполлоническое и дионисийское начало в человеке! Чем занимаются психологи, психоаналитики XX века? Чем занимались Фрейд и Юнг, как не изучением этого темного, дионисийского, экстатического начала?

Резкий пронзительный голос лектора вонзался в слушателей стеклянными осколками звонких фраз. На последней парте из-за спин однокурсников выглядывал с интересом ссутулившийся, сухопарый юноша с взъерошенными грязными волосами цвета каштана. По его впалым щекам, выступившим скулам и небритому лицу было видно, что он не спал и не ел уже долгое время. Юноша бросил взгляд на лежащую рядом с лектором трость и вдруг увидел, что противная петушиная голова повернулась к нему и раскрыла свой угловатый клюв. Он тотчас же закрыл глаза от испуга, а когда открыл их вновь, видение улетучилось. Тем временем лектор продолжал:

– Ницше точно спрашивает нас, почему мы решили, что общество движется по восходящей от худшего к лучшему, от тьмы к свету? А не кажется ли вам, что мир движется по кругу, что человек лишь повторяет свои ошибки раз за разом? Ницше был не согласен с предшествующими философами в одном важном пункте. Они все были уверены, что существует одна истина, в то время как Ницше утверждал, что этих истин бесчисленное множество. Все они пытались рационализировать иррациональное. Они попадали под власть своей собственной логики, а Ницше утверждал, что этих логик несметное количество.

Человек нашего века, подобно Одиссею, слышит все многоголосье природы и знания, он слышит это беспрерывное пение сирен. Вот вам и постмодернизм с его полифонией, вот вам и естественная наука с ее невозможностью дать человеку искомого счастья и духовного удовлетворения. Мы вдруг понимаем, что вся история науки рождена этим дионисийским началом в человеке. Великие умы прошлых столетий зачастую черпали свои идеи из мистического знания, многие из них были герметистами и алхимиками. Вы видите, что получается? Хотя, конечно же, у каждого в голове своя абракадабра...

Серые глаза лектора блеснули демоническим светом. Он снова смотрел в пустоту. Эти последние слова почему-то сильно взбудоражили юношу на последней парте. Они словно пробудили его от глубокого сна, и он, ужаснувшись, с недоумением взглянул на лектора. Прозвенел звонок, и молодой человек, которого звали Эмиль, быстро собрал свои вещи и выбежал из аудитории.

Эмиль был самым обыкновенным студентом. Он, как и все студенты, недоедал, недосыпал, мучился от собственных комплексов, анализировал свою личность и пытался найти место в жизни. Замкнутый в себе, он ни с кем не общался и большую часть свободного времени отдавал чтению. Внешность и поведение Эмиля не вызывали интереса у девушек, к чему он в принципе никогда и не стремился. Невзрачный юноша с худощавыми руками, длинными пальцами, в смешной неказистой одежде, он жил в мире своего воображения, и, казалось, никому никогда не будет позволено открыть этот его тайный, сугубо личный мир.

И все же Эмиль был страстно влюблен. Девушка, которой он заранее вверил свое сердце, тоже была нелюбима, но в отличие от Эмиля была потрясающе красива. Говорили, что у нее уже есть какой-то жених, и в это было очень легко поверить. Ее внешность напоминала молодому человеку совершенство поздней осени, его любимого времени года. Угасающую пронзительность осенних линий видел он в ее теле, видел в ее холодных голубых глазах. Она вызывала в нем леденящий восторг, который он описывал в своих любовных стихах. Он посылал их ей при любой возможности всеми существующими способами. Его мир будто делился на два плана. В одном – он проживал свою жизнь в гордом, стоическом одиночестве, полном знаний и размышлений; в другом – предавался страстной мечте о возможном счастье рядом с ней. Она же смеялась над ним, всячески обзывала и поносила его, будто бы он был самым убогим существом, которое она видела в жизни. В ее речах он всегда подмечал что-то горькое и неискреннее, словно она делает совсем не то, что желает делать. Именно это предчувствие заставляло его каждый раз после очередного позора писать ей, мечтать о ней и верить в счастливый исход.

Эмиль шел по слабо освещенному длинному коридору, как вдруг невдалеке увидел свою возлюбленную. Сердце застучало быстрее, кровь заполонила голову, а во рту пересохло. «В конце концов, сила осады в ее постоянстве. Крепость должна сдаться под напором времени, железные ворота должны отвориться!» – подумал он и, проклиная себя за трусость, поспешил догнать ее.

– Постой, пожалуйста, – молвил он, задыхаясь. – Молю тебя! Давай пройдемся сегодня вечером! – запинаясь, выжал он из себя.

– А, это ты? – она посмотрела на него с отвращением, – Напугал! В принципе, как и всегда. Зачем мне такой худой некрасивый простофиля? С чего это мне с тобой гулять?

Она громко рассмеялась, обнажив ряд жемчужных зубов, и быстрой легкой, как ветер, походкой устремилась прочь от юноши. Он остановился, уже в сотый раз пораженный ее жестокостью. Голова от волнения

закружилась, и Эмиль едва успел облокотиться о стену, чтобы не упасть. Она неожиданно повернулась, точно не сдержалась, и с горечью посмотрела на молодого человека. Во всяком случае, так ему показалось.

Ошалевший от боли в сердце, Эмиль бездумно брел по улицам города. Отчаявшись сильнее, чем обычно, юноша желал лишь одного – никогда не появляться на этом свете. Солнце клонилось к закату, становилось темнее. Набежали иссиня-черные полновесные тучи, и начался сильный дождь. Эмиль заметил рядом с собой книжный магазин и поспешил туда, чтобы укрыться и не промокнуть.

– А почему эта такая дешевая? – Эмиль стоял в букинистическом отделе, указывая на книгу в черной блестящей обложке.

– Кому в этом городе нужна книга на латинском? – вопросом на вопрос ответил лысоватый продавец в очках, – Я и так не хотел ее брать. Меня, можно сказать, уговорили. Им были очень нужны деньги. – При этом мужчина поправил воротник рубашки с таким видом, будто купив эту книгу, спас кому-то жизнь.

– Можно посмотреть? – спросил Эмиль.

– Конечно.

Юноша взял приятную на ощупь книгу и стал бегло просматривать ее содержимое. Как и говорил продавец, в ней не было ничего, кроме непрерывного текста на латыни. Ни оглавления, ни предисловия, ни аннотации, ни имени автора. Эмиль с огорчением закрыл ее и отложил в сторону. Он уже начал искать среди всего этого книжного хлама что-то стоящее, как вдруг краем глаза увидел, что на черной обложке отложенной им книги проявился какой-то знак. Надпись, выполненная золотистым филигранным шрифтом, ярко заиграла при свете магазинных ламп. Эмиль распознал в символе слово ABRACADABRA, записанное в виде перевернутого конуса. Он остолбенел и простоял так в полном иступлении несколько секунд. Затем, когда рассудок вернулся к нему, он отвел взгляд, закрыл глаза, а когда снова посмотрел на надпись, от нее не осталось и следа. Эмиль судорожно схватил книгу и начал со всей тщательностью всматриваться в обложку, желая снова увидеть этот таинственный образ. Он вертел ее, тряс ее изо всех сил, как обезумевший. Продавец взглянул на него исподлобья и недовольно прохрюхтел:

– Вы покупайте, если она вам так понравилась, и дома забавляйтесь сколько угодно.

– Да, конечно, – Эмиль оторвался от книги и дрожащими руками вытащил скомканные деньги.

ABRACADABRA
ABRACADABR
ABRACADAB
ABRACADA
ABRACAD
ABRACA
ABRAC
ABRA
ABR
AB
A

Домой юноша вернулся поздно. В своей маленькой комнатке он еще раз аккуратно исследовал приобретенную книгу, но, как он ни старался, на обложке больше ничего не появлялось. Эмиль решил, что во всем виновно его слабое здоровье и излишняя впечатлительность. «Петушиная голова, волшебные исчезающие надписи – все это лишь плод моего воображения, результат хронической бессонницы», – заключил молодой человек. Он небрежно откинул книгу в сторону и в изнеможении свалился на хлипкий табурет рядом с письменным столиком.

Молодой человек взял в руки карандаш и стал что-то карябать на чистом листе бумаги. Надо сказать, что это был его маленький секрет. Он никогда не стремился стать писателем или философом. Но после безмерного чтения книг, к нему приходили интересные, как он считал, идеи. И он, чтобы не забыть, записывал их, а потом прятал заметки в стол. В этот раз Эмиль написал: «Только задумайтесь: по какой-то причине, или без нее, или этих причин было великое множество (здесь пока остается только сойти с ума) из мельчайшего зернышка, нулевой частички в нигде и в никогда зародилось и развилось неподдающееся постижению пространство-время – великая вселенная. Самоорганизующаяся материя, руководимая единым законом, образовала нас и все, что вокруг нас, создала жизнь и перешла теперь на следующую ступень развития, подключив человека к субстанции мысли. Информация есть продукт сознания, созданная им идея. Да и само сознание есть не что иное, как идея. Идею нельзя пощупать, а информацию, как таковую, нельзя потрогать, их можно только записать, репродуцировать в материальный мир. Идея прекрасно существует и вне нас, и без нас. Если бы нас не было, это еще не означало бы, что не было и идеи. Нельзя вообще никак доказать, что идеи суть продукт нашего всеобщего или отдельного я. Вопрос о том, что же первично, материя или сознание, уходит на второй план. Здесь удивительным является то, что мы вообще задаем этот вопрос. Что мы можем его задавать. Отсюда вытекает другой всем известный гносеологический вопрос – познаваем этот мир или нет? Как мы познаем этот мир? Как мы получаем то, что имеем. Свойство ли это материи, одно из ее высших ступеней? Её способность выражаться идеей и знанием, посредством самоорганизации и того же абсолютного закона, что создал все? Или же сознание и

идея это что-то такое, что есть и не есть, что пришло из нигде и никогда, что стоит за всеми гранями причины и следствия, что существует самостоятельно, трансцендентно, одновременно нигде и во всем?»

Эмиль опустил карандаш, встал с табурета и кое-как добрался до кровати. Ему очень хотелось написать что-нибудь еще, но он почувствовал, что, если сейчас же не даст себе передохнуть, то завалится прямо там, на месте. И все же юноша никак не мог избавиться от внутреннего напряжения. Невидимый груз сдавливал его сердце, а беспорядочные мыслеобразы заполнили уставший мозг. Сквозь этот бред он решил, что продолжит строить свои предложения прямо у себя в голове, а завтра с утра запишет придуманное. Не прошло и пяти минут, как попытки его обернулись неудачей, и он лежал уже в полудреме, собирая в своей голове какие-то непонятные ребусы из слов. Он ходил по кругу и уже сам не понимал, что пытается сочинить. Юноша начал хрипеть, потом тихонько и заунывно постанывать. Его мысль текла безумным закрученным потоком: «Что же должно получиться, чтобы... Когда же должно произойти так, чтобы... Тем временем он спешил к ней. К ней, к той... Нет. Не так. Он спешил к Амброзии. Амброзия! Нет. Не так. Куда... Почему вопросы... Почему вопросы всегда остаются без ответов...»

В таком виде Эмиль пролежал в своей комнате до самого утра.

Скорее всего, мир еще раз стал для нас «бесконечным», поскольку мы не в силах отместить возможность того, что он заключает в себе бесконечные интерпретации.

Фридрих Ницше

– Каждый должно быть слышал о Серапиуме! Поистине грандиозное архитектурное сооружение, и, пожалуй, только римский Капитолий мог тягаться с его великолепием. Нас сейчас не интересуют причины разрушения этого храма. Борьба язычников и христиан во главе с патриархом Феофилом сделала свое дело. Это произошло в 391 году нашей эры и отлично зафиксировано в различных источниках. Вы, я надеюсь, знаете, что в этом храме, помимо всего прочего располагалось отделение Александрийской Библиотеки, только, пожалуйста, не путайте ее с Царской Библиотекой Птолемея, которая исчезла за два с лишним века до этого. Нас также сейчас не интересует, куда делись книги хранившиеся там. Точнее нас интересует только одна.

Глаза лектора загорелись, как и прежде. Эмиль съёжился на своем сидении. Ему было до сих пор дурно от ночного бреда. Его подташнивало и скручивало от озноба.

– Все, что я скажу далее, это, так сказать, область темная и непроверенная. Между тем, разговоры по этому поводу бродят в мировом пространстве. Относитесь к этому, как к занимательной легенде, в которой вы, быть может, найдете что-то для себя.

Человека, о котором я буду вести речь, звали Исидор. По некоторым другим данным его имя было Аммиан. Для нас это непринципиально. Он находился в Александрии как раз перед разрушением храма. Исидор был ритором или филологом, и это тоже для нас не суть важно. В общем, он был ученым человеком. Так вот, за несколько недель до упоминаемых ранее страшных событий, неведомый голос велел Исидору отправиться в путешествие. Повинуясь этому голосу беспрекословно, Исидор скитался по Египетской земле. Голодный и до смерти уставший он добрал до каких-то холмов, где лег в тени мастикового дерева. На ветвях его вдруг появились буквы самых разных алфавитов. Буквы эти постепенно превратились в слова и открыли пораженному Исидору какую-то тайну. Он собрался с силами и, теперь уже зная, что ему нужно делать, вернулся в Александрию. По прибытии он тотчас же отправился в библиотеку и, как утверждает легенда, ведомый бесом, украл оттуда какой-то свиток, а затем скрылся с ним неизвестно куда за считанные дни до исчезновения храма. Совершенно никчемная история, скажете вы. Она бы и была таковой, если бы не один факт. Предание гласит, что Исидор во время своего помешательства, будучи уже в Александрии, повторял одно и то же слово. Он скрипел зубами, плевался во все стороны и кричал: «Абракадабра!»

Эмиль подскочил на месте. От страха ему стало тяжело дышать. Он спрятался за спины других студентов и, предчувствуя что-то ужасное, силился не смотреть на лектора.

– Именно этот небольшой пункт связывает эту призрачную легенду с историей, которая, быть может, более точно объяснит суть затронутой мною проблемы. В середине XIV века в Париже жил один молодой человек по имени Викентий Пирель. Он зарабатывал себе на пропитание своим искусным почерком, т.е. был писцом. Однажды он приобрел за два флорина довольно большую и изрядно древнюю книгу. Была она не из пергамента и не из бумаги, а из коры молодых деревьев. Обложка ее была из гладкой меди, украшенная всяческими фигурами, странными символами и буквами. Поначалу он замечает, что все страницы кодекса исписаны кончиком железного пера. Яркие четкие латинские буквы. Затем Пирель утверждает, что в какой-то момент все надписи в книге пропали, исчезли, испарились! А на первом листке вдруг проявились золотые заглавные буквы, и он смог прочесть бессмысленное слово «ABRACADABRA». Вот что он пишет по поводу самой книги: «Я должен молчать о том, что может быть написано на прочих листках прекрасным латинским языком, иначе совершу большое злодеяние. Располагая этой книгой, день и ночь я ничего не мог делать, кроме как читать ее. Господь Всевышний спас меня от ее могучих чар, и я смог избавиться от нее. Я уничтожил ее!». Он также утверждает, что до встречи с книгой ему было видение. В сиянии лучей ему явился образ, который гласил: «Пи-

рель, взгляни на эту книгу, ты в ней ничего не поймешь – ни ты, ни кто-либо другой, но однажды ты увидишь в ней то, чего никто не смог там увидеть!». Судьба даровала ему удивительно долгую счастливую жизнь. Поговаривают даже, что он так и не вкусил смерти.

Эмиль не верил тому, что слышал. Он осмотрелся и понял, что выбраться тайком из аудитории ему не удастся, как бы сильно он этого ни желал. Со всех сторон его зажали однокурсники. Он словно попался в ловушку, а происходящее более всего походило на очередную галлюцинацию. Чтобы не слышать ненавистный голос лектора, Эмиль закрыл уши руками. Тишина придала ему бодрости, и юноша смог кое-как собраться с мыслями. Внезапно пугающая Эмиля речь прорвалась в его пошатнувшееся сознание, и, невзирая на то, что по всем законам физики он ничего не должен был теперь слышать, Эмиль все же ясно услышал тот самый сводивший его с ума голос в своей голове, будто сидел рядом с говорившим. Безвыходное положение вывело его из себя, он раскрыл руки и с пугливой злостью, точно загнанный зверек, взглянул на лектора.

– Но как оказалось, Пирель не смог уничтожить книгу навсегда, ведь до нас дошли более поздние заметки о ней. Автор их неизвестен, но дает гораздо больше информации по интересующему нас вопросу. Он описывает свойства этой книги в мельчайших подробностях. Ему, видимо, не очень важно, к чему это может привести. Он сообщает нам, что книга эта существовала всегда, во все времена, а появилась она тогда же, когда во вселенной появилось первое слово. Она имеет тысячи обликов. Она может предстать перед человеком в виде свитка, скрижали, дощечки, кодекса. В общем, в виде чего угодно. Написана она на всех языках, которые когда-либо существовали или будут существовать. В книге этой содержатся все тайны мироздания, коих бесчисленное множество. Она открывает перед человеком бесконечные реальности, в ней заложены все человеческие желания и бдения, тысячи истин и их толкований. Будущее, прошлое, настоящее – она знает все обо всем. Она позволяет властвовать над действительностью. Доводит до смертельного экстаза человека глупого, а мудрого превращает в безумца.

Открывший ее человек вдруг чувствует неопишуемый восторг, вдохновение. Какую бы форму она ни приняла, смотрящий в нее видит сначала ослепляющий свет, исходящий с ее страниц. Свет этот гипнотизирует человека, вводит его в ступор, завораживает и околдовывает. Постепенно в ярком свете проясняются в полном беспорядке буквы, иероглифы и символы. Затем появляются никак не связанные друг с другом слова, и поток мысли смотрящего в нее человека превращается в неожиданные вспышки фраз.

Именно в этот момент неискушенный, неподготовленный читатель, зачастую слабый духом, теряется в собственном вихре мыслей и желаний. Книга ломает его, бросает на растерзание беспощадной химере. В свою очередь, читатель опытный поначалу способен справиться с бессвязным набором слов, способен удержать колесницу своих желаний на ровной дороге. Находясь в этом трансовом, экзальтированном состоянии, он начинает различать на страницах непонятные предложения, потом видит целые тексты. Стоит ему, совершенно бессознательно задать вопрос, как книга сразу же облекает его мысль или образ в слова. Тогда он, справляясь с волнением и напряжением, задает без конца сотни вопросов, и книга отвечает на них все. Читатель идет дальше. И здесь, конечно, все зависит от его слабостей, от его характера. Книга в бесконечности своих действительностей, правд и кривд заманивает его в свои сети, и он уже не способен от нее отречься. Внутри нее можно прожить целые жизни. Немногие могут выдержать столь сладкий гнет! Книга, как самый сладкий наркотик, манит их, и они уже не в силах ей не повиноваться. Она сводит их с ума. В своем познании они доходят до таких сфер, которые умерщвляют их неподготовленный дух.

Обезумевший от этих слов Эмиль все-таки решился на последний прыжок, вскочил со своего места и устремился к выходу. Наступая на ноги сидевшим рядом с ним людям, он теснил их своим тощим задом, пробивая проход наружу. В аудитории все зашумело, а лектор вдруг изменился в лице. Его тонкие скрюченные губы растянулись в дьявольской улыбке, и он взорвал зал грохочущим, маниакальным смехом. Эмиль в ужасе прижал к груди портфель и, стараясь смотреть только в пол, теперь уже просто напросто отталкивал мешающих ему пройти студентов. Его сердце, казалось, совсем перестало биться, он весь вспотел и еле держался на ногах. Он выбежал из аудитории, громко хлопнув дверью. В коридоре он все еще слышал режущий смех лектора.

Совсем скоро Эмиль был дома. Он ворвался в свое крохотное убежище, схватил лежащую на полу книгу и начал бешено листать страницу за страницей. Все они были пусты. Впечатленный, задыхающийся от волнения юноша больно упал на колени, держа книгу перед собой. Яркий свет заполнил комнату...

– Алло, я слушаю. – Эмиль вскочил с кровати от сверлящего звонка и, до конца не понимая, что происходит, поднял трубку телефона.

– Это я. Узнал?

Мурашки побежали по телу Эмиля. Он, конечно же, узнал этот голос. Челюсть отвисла, и он, набрав воздуха, чтобы вымолвить хоть слово, произнес:

– Да, узнал.

– Я жду тебя. Приходи. Я совсем одна и хочу видеть тебя.

Юноша наспех натянул на себя одежду и вылетел на улицу. Не замечая ни людей, ни машин, он несясь к дому той, что только что звала его, бежал навстречу своей мечте. «Вот и ее дом. Она там, совсем одна и хочет видеть меня», – подумал Эмиль. Его худое заспанное лицо тряслось от шального неудержимого удовольствия.

Она открыла ему дверь и пригласила зайти. От нее веяло холодными дурманящими разум Эмиля духами, точно в них все запахи поздней блеклой осени были собраны воедино. Одетая в один лишь темный легкий шелковый халат она, словно ангел, медленно перенеслась в спальню. Очарованный ее красотой, Эмиль беспрекословно последовал за ней.

– Желает ли ты полюбоваться грудью, которую неоднократно воспевал в своих стихах, Эмиль?

– О да! Да! – вскричал Эмиль, удивленный этим предложением.

Девушка скинула с себя халат, и перед молодым человеком возникло совершенно нагое тело его возлюбленной. Эмиль взревел, прикрывая исказившееся от неожиданности лицо руками. Изъеденная проказой, безобразная грудь предстала перед его взором.

– Смотри, Эмиль, смотри, сколь уродливо это тело, возбуждавшее твою страсть! Не лучше бы тебе возлюбить своих богов, от которых ты можешь ждать вечной награды?

Эмиль, не выдержав нервного срыва, зарыдал как дитя. Схватившись за голову, он начал рвать на себе волосы и стонать как умалишенный. Затем он резко рванул к выходу, выдавливая из своей хрипящей груди одно и то же разрывающее его душу на куски слово:

– Абракадабра!

P.S. Абракадабра – в переносном значении то же, что *бессмыслица*; нечто бессвязное, непонятное, непериодическое. Воспринимать это слово именно в переносном значении у современного человека вошло в привычку. Мы относимся к абракадабре как к шутливому детскому заклинанию, не более. Также существует версия о том, что «абракадабра» – это не слово, а набор букв. Буквы абракадабры расположены в определенном порядке, понять который – значит разгадать весь фокус. Утверждается, что абракадабра всего лишь простенькая, но оригинальная загадка, связанная с латинским алфавитом.

Проследим этимологию этого слова. Сразу отметим, что мнения на этот счет исследователей разнятся. Например, некоторые ученые считают, что слово «абракадабра» произошло от месопотамского выражения «аб-ба-таб-ба-ри», указывая на то, что это присловье произносилось во время религиозных обрядов у древних шумеров. Также известно мнение о том, что «абракадабра» происходит из кельтского языка и образовано от слов «абра» или «абар» и «кад», что соответственно значит «бог» и «святой». По мнению других исследователей, слово «абракадабра» происходит от еврейской фразы «abreg ad habra», которая обозначает «мечи свою молнию даже в смерть». Другая версия указывает на то, что «абракадабра» имеет древнеарамейское происхождение, и изначально писалось с алефом в качестве префикса и означало «создам то, что произнес», а позже с айном, что означало «что было сказано, то сделано». Возможны изначальные варианты написания אָבְרָכָדָבְרָא, что звучит как avda kedavra и значит «что было сказано, то сделано», либо אָבְרָכָדָבְרָא, что звучит как avda kedavra и значит «что было сказано, то прошло; улетучилось, как и само слово».

В «Толковом Словаре» В.И. Даля находим, что слово «абракадабра» – это «таинственное слово, перешедшее от древних евреев и греков; род заговора, особенно от лихорадки, который пишется треугольником и носится в ладанке». Это интересное замечание приводит нас к другому источнику, а именно к заметкам Е. Блаватской. По ее данным понятие «абракадабра» впервые встречается в стихотворном медицинском трактате, написанном приблизительно в 208 г. н.э. Квинтом Мереном Саммоником, врачом римского императора Септимия Севера. В своей поэме Саммоник указывает на слово «abracadabra» как на средство для лечения лихорадки. Формулу в виде конуса, обращенного вершиной вниз, следовало написать на листке бумаги. Затем обвязать талисман вокруг шеи и не снимать в течение девяти дней. После чего его нужно было бросить за спину через плечо в ручей или реку, которая течет на восток.

Папюс в своей «Практической магии» утверждает, что абракадабра – «термин персидского происхождения. Это было мистическое или магическое слово, которое, будучи написано на девственном пергаменте, составляло амулет, носимый на шее, для исцеления от разных болезней и, главным образом, лихорадки». Он так же, как и Блаватская, замечает, что это слово «написанное в виде конуса, обращенного вершиной вниз, при условии отнятия по одной последней букве, целебно действует против болезней, если носить его на себе».

О чем-то похожем в своем «Дневнике чумного города» упоминает и Даниэль Дефо. Он пишет, что люди этого города считали, что чуму вызвал некий злой дух, и верили, что смогут защититься от болезни, осеняя себя крестными знаменами, а также с помощью слова «абракадабра», записанного в форме треугольника.

Э. Леви тоже обращается к загадочному треугольнику абракадабры, при этом делает несколько предположений мистического характера. Он пишет: «А отдельно представляет единство первого принципа, т.е. интеллектуального, или активного, агента. А в соединении с Б – оплодотворение бинера единицей. Р – есть знак Тернера, так как оно представляет иероглифически истечение, происходящее от соединения двух начал. 11 – число букв этого слова, присоединяет единицу посвященного к десятку Пифагора, а число 66 – сумма всех сложенных букв – образует каббалистическое число 12 – квадрат Тернера. И, следовательно, является мистически квадратурой круга. Заметим мимоходом, что автор Апокалипсиса, этого ключа христианской Каббалы, составляет число зверя, то есть идолопоклонства, прибавляя 6 к двойному сенеру абракадабры, что каббалистически

дает 18 – число, соответствующее в Таро иероглифическому знаку “ночи” и “профанов”, “Луне, собаке, волку и раку”, – число таинственное и темное, которого каббалистический ключ 9 есть число посвящения». В свою очередь Алистер Кроули дешифровал абракадабру в качестве формулы алхимии. При этом несколько видоизменялось написание – «абрахадабра». Гематрическая сумма последней равнялась 418, что соответствовало Деланию Великому.

Другая версия гласит, что в корне слова «абракадабра» заложено имя греко-египетского бога Абраксаса. В египетском пантеоне Абраксас славился победой над драконом. Он имел человеческое тело, петушину голову и змеиные ноги, а в руках держал щит и меч (по другим вариантам – плеть, факел). Символический смысл изображения Абраксаса в подобном виде заключался в следующем. Змеи символизировали опоры для тела в виде Нус и Логос, чувства и понимания. Петушиная голова олицетворяла предвидение и бдительность, а предметы в руках – броню мудрости и метлу власти. С другой стороны, такая иконография отражала триединство мира (петух – солярный знак, тело – земной, змея – подземный). Добавим, что ряд исследователей связывает Абраксаса не только с Митрой, но и с иудейским Яхве, кельтским Беленусом, христианским Иешуа, индийским Брахмой. Здесь также будет целесообразным вспомнить имя александрийского пифагорейца Василида, который примерно в девяностом году нашей эры создал доктрину, объединявшую христианство с языческими мировоззренческими началами, где Абраксас играл роль верховного божества.

Также существует гипотеза о том, что магическое слово абракадабра – зашифрованное имя «Бык-Солнце», которое на древнееврейском звучит как Abr-Achad. В Древнем Египте его называли Апис, то есть священный бык, божество плодородия, воплощение бога Птаха. Сведения об этом божестве содержатся главным образом у античных авторов, которые связывают его происхождение со знаком зодиака Овном. В Египте Апис считался перевозчиком души (Ба) бога Осириса. После смерти бык-Апис превращается в Осириса, отсюда имя Апис-Осирис. В период эллинизма произошло слияние культов Аписа и Осириса в едином божестве Сераписе. В 1850 году французский археолог О. Мариэтт открыл в мемфисском *Серапеуме* погребения 64-х быков. Каждая мумия находилась в отдельном каменном саркофаге с точным указанием дат рождения и смерти. Сохранилось множество изображений, бронзовых статуэток Аписа с солнечным диском между рогами. Культ Аписа признавался персидскими царями и даже римскими императорами.

ДРАМАТУРГИЯ

ДМИТРИЙ ЛАБОВКИН, магистрант

БРАК

Действующие лица

А н н а.

Е в г е н и й.

Н а д е ж д а.

В а л е н т и н.

Сцена первая

Восересенье. Поздний вечер. Анна, красивая, стильно одетая молодая женщина, возвращается домой к своему гражданскому мужу. Она заходит в свою однокомнатную квартиру, закрывает за собой дверь и, не разуваясь, проходит в комнату, где Евгений, хорошо сложенный, по-домашнему одетый мужчина тридцати – тридцати пяти лет, увлечённо играет в компьютерную игру. В дальнем правом углу комнаты находится старый обшарпанный шкаф, справа от шкафа стоит потёртый диван (в разложенном виде), напротив которого расположен новый компьютерный стол. Дома беспорядок: постель не убрана, по полу разбросаны предметы мужского и женского гардероба, пачка сигарет, фотография, бутылки из-под пива и минеральной воды, косметика, расчёски... Анна снимает своё шикарное пальто, аккуратно вешает его на плечики и убирает в шкаф.

А н н а. Дорогой, а ты заметил, что у меня новая причёска?

Е в г е н и й (не отрываясь от монитора). Новая причёска? Нет, дорогая, не заметил.

А н н а. Ну и как я тебе с такими волосами?

Е в г е н и й. Да нормально. Ты же знаешь, мне всё равно.

А н н а. Вот и славно. Пойду готовить ужин.

Е в г е н и й. Можешь не утруждаться. Я у Надьки поел.

А н н а. У Надьки? Это которая в столовой работает?

Е в г е н и й. Угу.

А н н а. Хорошая девушка. Как замечательно, что вы дружите! И мне готовить не надо...

Евгений. Да уж. Одни плюсы.

Анна. А как она в постели? Или вы ещё не...

Евгений. Почему же нет? Она просто огонь!

Анна. Да что ты говоришь? А в жизни такая застенчивая! Никогда бы не подумала! Но я-то всё равно лучше, ведь правда?

Евгений. Ну конечно же! Какие могут быть сомнения?! Я ведь на тебе жениться собираюсь!

Анна. О! Как я могла забыть! Мы же скоро поженимся! А ты в ЗАГС уже ходил?

Евгений. Нет. Я думал ты сходишь...

Анна. А я где-то слышала, туда нужно вместе идти...

Евгений (*смеётся*). Ну нет! Ты же знаешь, мы никогда и куда вместе не ходим.

Анна (*смеётся*). Конечно-конечно, дорогой. Это я глупости говорю. Может, ты всё-таки сходишь на следующей неделе?

Евгений. Может, и схожу. Если настроение будет. Но вероятность небольшая. Ведь уже три года прошло, а настроения у меня так и не появилось... Лучше ты сходи.

Анна. У меня на следующей неделе не получится. Меня сегодня стриг новый парикмахер. Вернее, он и не парикмахер вовсе. Это у него хобби такое. Его зовут Валентин. Мы познакомились на остановке, когда я на рынок ездила. Так вот. Подходит ко мне какой-то мужчина и говорит: «Девушка у вас такие красивые волосы, вот только эта причёска вам малость не к лицу. Поедем ко мне – и я изменю вашу без того незаурядную внешность в лучшую сторону». Тут я, конечно, не смогла устоять. Ну ты сам понимаешь. Валентин оказался настоящим мастером и достойнейшим мужчиной. Он отвёз меня на своём «БМВ» к себе домой, в роскошную пятикомнатную квартиру и работал с моими волосами около двух часов (при этом мы вели интереснейшую беседу, и время пролетело незаметно). Потом он открыл бутылку замечательного красного вина, мы немного выпили и целый час безудержно занимались любовью. А на следующей неделе он пригласил меня к себе на дачу. Так что придётся, дорогой, тебе недельку без меня пожить, ладно?

Евгений. Дорогая, не понимаю, кому и зачем ты всё это рассказываешь. Не получится, так не получится. Мы в любом случае поженимся.

Анна. Ах! Ты прав, дорогой! Чего это я? Наверное, слишком утомилась... Пойду-ка я лучше спать. Спокойной ночи, дорогой!

Евгений. И тебе спокойной ночи, дорогая!

Сцена вторая

Понедельник. Поздний вечер. Квартира Анны и Евгения, та же обстановка: беспорядок, разбросанные по полу вещи... Евгений и Надежда лежат в постели. Оба дышат тяжело и часто. Надежда – девушка заурядной внешности, худая, низкого роста, с короткими каштановыми волосами (стрижка «каре»). Отдыхка постепенно проходит. Евгений закуривает.

Надежда (*робко*). А у вас здесь уютно.

Евгений. Да уж.

Надежда. А кто мебель выбирал? Ты или Аня?

Евгений (*выдыхая дым*). Да, вроде как, вместе...

Надежда. Понятно...

Полминуты лежат в тишине. Евгений тушит сигарету. Надежда немного нервничает.

Евгений. Ты чего дрожишь?

Надежда (*вздыхает*). Не по себе мне как-то...

Евгений. Да ладно тебе! Не первый раз ведь.

Надежда. В столовке я себя поуверенней чувствую... Попривычней как-то.

Евгений. Да брось ты! И тут и там ты просто супер.

Надежда отворачивается от Евгения. Они лежат в тишине ещё полминуты. Надежда замечает лежащую на полу около дивана фотографию, на которой предположительно изображены Анна и Евгений. Она поднимает фотографию и, лёжа на спине, разглядывает её.

Надежда. Красивая вы пара...

Евгений. Да уж. Вот жениться собрались.

Надежда (*с укоризной*). И давно это вы на такой шаг решились?

Евгений. Да уже три года как.

Надежда (*с обидой*). А, ну ясно.

Евгений. Ты чего?

Надежда (*отворачиваясь от Евгения*). Да так, ничего.

Ещё полминуты лежат в тишине.

Надежда. Ты любишь её?

Евгений (*с раздражением*). Почём я знаю? А тебе-то что?

Надежда. Просто я думала, что безразлична тебе... Думала, ты ко мне переедешь... Вместе жить будем...

Я б с работы пирожки да котлеты носила, а ты бы цветы мне дарил... Потом поженились бы, детей нарожали...

Евгений (*со злостью*). Да с чего ты это взяла?!

Надежда (*едва не плачет*). Так ведь ты каждый день у меня в столовке торчишь! Смотришь так на меня!

Разные нежности говоришь... Потом ещё к себе зовёшь... Как же тут не...

Евгений. Убирайся отсюда!

Надежда. Что?!

Евгений. Что слышала! Глухая что ли?! Я сказал, убирайся отсюда! Проваливай к чертям!

Надежда со слезами одевается и быстро уходит.

Сцена третья

Пятница. Поздний вечер. Анна и Валентин сидят в машине, Валентин за рулём. Валентин – мужчина заурядной внешности, худой, низкого роста, с длинными кучерявыми волосами (стрижка «каре»).

Анна. Валентин, спасибо Вам за такой замечательный уикенд! Вы просто прелесть!

Валентин. Да бросьте Вы, Ань. Это я должен Вас благодарить. Право же. Рядом с Вами неделя кажется мгновением.

Анна. О, Валентин! Вы читаете мои мысли!

Валентин. Анна, я просто без ума от Вас!

Страстно целуются, после чего несколько секунд сидят в тишине.

Анна (*немного смущённо*). Валентин! Я надеюсь, мы ещё увидимся...

Валентин. О! Ну, конечно же, Анна! Безусловно!

Анна. Я буду с нетерпением ждать наших встреч!

Валентин. Уверю, для меня это ожидание будет ещё более тягостным, нежели для Вас!

Снова целуются, после чего несколько секунд сидят в тишине.

Анна (*смущённо*). Валентин... Скажите, пожалуйста... Хотя бы приблизительно... Когда мне следует ожидать нашего следующего свидания?

Валентин. Думаю, лишь через неделю, Анна. К моему глубочайшему сожалению...

Анна. О! Прекрасно! Уже так скоро!

Валентин. К моему глубочайшему сожалению, моя супруга снова улетает во Францию лишь в следующий понедельник.

Анна (*меняется в лице*). Пойдите-пойдите! Вы сказали «супруга»? Я не ослышалась?

Валентин. Всё верно, «супруга». Вы совершенно правы!

Анна. Да как же так?

Валентин. Что Вас так озадачило, Анна?

Анна (*едва не плачет*). Просто Вы не говорили, что женаты...

Валентин (*с усмешкой*). Но это ведь и так понятно. Как, по-вашему, я смог бы устраивать шикарные свидания с такими роскошными женщинами, как Вы, если был бы холост? Я ведь безработный. А должность моей жены в одной богатой фирме приносит деньги, столь необходимые для моих увлечений, которыми, как Вы знаете, являются парикмахерское дело и красивые женщины. Более того, длительные командировки супруги являются жизненно важным обстоятельством для наших с Вами встреч, Анна.

Анна (*сквозь слёзы*). Не может быть! Этого просто не может быть!

Валентин. Успокойтесь, Анна, прошу Вас...

Анна (*кричит*). Да как Вы смеете! То, что Вы женаты, – просто отвратительно! Я не желаю более видеть Вас! Вы мне противны!

Анна пытается открыть дверь.

В а л е н т и н. Но Анна...
А н н а. Катитесь к чёрту!

Анна в слезах выходит из машины, хлопает дверью и уходит прочь.

Сцена четвёртая

Пятница. Тот же вечер, немного позднее. Заплаканная Анна возвращается домой. Она заходит в квартиру, закрывает за собой дверь и, не разуваясь, проходит в комнату, где Евгений увлечённо играет в компьютерную игру. В квартире та же обстановка: беспорядок, разбросанные по полу вещи...

А н н а (плачет). Ты можешь себе представить?! Этот негодяй женат! Не могу поверить! Он женат! Ты представляешь?!

Е в г е н и й (не отрываясь от монитора). Нет, дорогая, не представляю. Я ж сам никогда женат не был.

Анна садится на диван и плачет. Евгений продолжает играть. Через минуту Анна успокаивается и начинает переодеваться.

А н н а (строгим голосом). Ты в ЗАГС ходил?!

Е в г е н и й. Нет, не ходил.

А н н а (раздражённо). Я же просила тебя! Сколько можно сидеть и пялиться в монитор?! Сделал бы хоть что-нибудь путное!

Евгений резко поворачивается к Анне, не вставая со стула.

Е в г е н и й (повышая голос). А я тебе разве обещал, что схожу?! Если хочешь знать, не ты одна такая занятая!

Евгений снова отворачивается к монитору.

А н н а. Да?! И чем же ты интересно занимался?!

Е в г е н и й. Надька приходила.

А н н а (удивлённо). К нам приходила Надя? Хм.

Евгений продолжает играть. Анна переодевается. Около минуты они не разговаривают. Потом Анна подходит к Евгению и кладёт ему руки на плечи.

А н н а (нежно). Дорогой, извини меня, пожалуйста. Я вся на нервах сегодня.

Евгений поворачивается к Анне и, не вставая со стула, обнимает её за талию.

Е в г е н и й (нежно). Да всё хорошо, дорогая. Тебе нужно отдохнуть. В последнее время ты и вправду слишком много нервничаешь. Тебе же нельзя переживать. Мы ведь скоро поженимся. Слышишь меня, дорогая?

А н н а. Конечно, дорогой. Я слышу тебя.

Анна и Евгений нежно обнимаются.

Свет медленно гаснет.

Занавес.

ПЕРЕВОДЫ

ДМИТРИЙ ЛАБОВКИН, магистрант

Emily Dickinson

Эмили Дикинсон

Grief is a mouse –
And chooses Wainscot in the Breast
For His Shy House –
And baffles quest –

Печаль – это мышь,
Прогрызающая грудь –
Как заборы, крыши –
Чтобы к нам забраться внутрь.

Grief is a Thief – quick startled –
Pricks His Ear – report to hear
Of that Vast Dark –
That swept His Being – back –

Печаль – это вор пугливый,
Что залезает в ухо, заставляет слушать –
Вор из той глубокой темноты,
Он обчистит наши души – чтобы уйти.

Grief is a Juggler – boldest at the Play –
Lest if He flinch – the eye that way
Pounce on His Bruises – One – say – or Three –
Grief is a Gourmand – spare His luxury –

Печаль – искуснейший боец – дерётся,
Чтобы проиграть – но на щеках оставит
Синяки – о нём не стоит говорить –
Этот гурман всегда манерность сохранит.

Best Grief is Tongueless – before He'll tell –
Burn Him in the Public Square –
His Ashes – will
Possibly – if they refuse – How then know –
Since a Rack couldn't coax a syllable – now.

Пока печаль нема – пока она не говорит –
Сожги её на площади – и пусть себе сгорит –
Но пепел – пусть останется –
Пусть оседает он на дне души – как все мы знаем –
Пустота не может складывать стихи.

ОЛЬГА КОВТУН, гр. 09 АЯ-2

Борис Гребенщиков

Boris Grebenshchikov

Город

A Town

Под небом голубым есть город золотой
С прозрачными воротами и ясною звездой,
А в городе том сад, все травы да цветы,
Гуляют там животные невиданной красоты:

There's golden, pretty town beneath the blue, blue sky
With clear, crystal, limpid gates and wondrous, plain star.
The garden blooms right there, with flowers, beauty herbs.
Amazing creatures are living there, you've never seen them, Dear:

Одно, как желтый огнегривый лев,
Другое – вол, исполненный очей,
С ними золотой орел небесный,
Чей так светел взор незабываемый.
А в небе голубом горит одна звезда.
Она твоя, о ангел мой, она твоя всегда.
Кто любит, тот любим, кто светел, тот и свят,
Пушай ведет звезда тебя дорогой в дивный сад.

The one of them is firemane lion,
The other's bullock, who is full of eyes,
Also there is skyey, golden eagle
Whose gaze is so bright and unforgettable.
There's lonely shining star, so far in blue, blue sky
It's only yours my dear friend until the latest sigh.
Who loves, is always loved. Who's luminous, is saint.
So let the star to lead you to the glossy garden's paint.

Тебя там встретит огнегривый лев,
И синий вол, исполненный очей,
С ними золотой орел небесный,
Чей так светел взор незабываемый.

And there you'll meet the firemane lion,
The dark blue bullock, who is full of eyes.
Also there is skyey, golden eagle
Whose gaze is so bright and unforgettable.

Николай Гумилёв

Nikolay Gumilev

У меня не живут цветы,
Красотой их на миг я обманут,
Постоят день-другой и завянут,
У меня не живут цветы.

All flowers get dead at my home,
Their beauty deludes for a blink,
They're in bloom next day they are sick,
All flowers get dead at my home

Да и птицы здесь не живут,
Только хохлятся скорбно и глухо,
А наутро – комочек их пуха...
Даже птицы здесь не живут.

Even birds can't survive in this place,
They are sulky and mournful and sad,
But next morning they are already dead,
Even birds can't survive in this place.

Только книги в восемь рядов,
Молчаливые, грузные томы,
Сторожат вековые истома,
Словно зубы в восемь рядов.

There are only eight rows of old books,
Of this silent and cumbersome volumes,
They are hiding old-aged lassitudes,
And each book stands in a row like a tooth.

Мне продавший их букинист,
Помню, был горбатым и нищим...
...Торговал за проклятым кладбищем
Мне продавший их букинист.

The bookseller who sold them to me
Was humpbacked and poverty-stricken...
...Beyond cursed burial ground I had met him,
The bookseller who sold them to me.

ЕКАТЕРИНА КУЧЕРЕНКО, *зр. 09 АЯ-1*

Роберт Рождественский

Robert Rozhdestvensky

Мы совпали с тобой,
совпали
в день, запомнившийся навсегда.
Как слова совпадают с губами.
С пересохшим горлом –
вода.
Мы совпали, как птицы с небом.
Как земля
с долгожданным снегом
совпадает в начале зимы,
так с тобою
совпали мы.
Мы совпали,
ещё не зная
ничего
о зле и добре.
И навечно совпало с нами
это время в календаре.

We've coincided with you,
coincided
on the day we'll remember forever.
Like some words coincide with lips,
or a throat which is dry –
with water.
We coincided like birds do with heaven,
like the Earth
coincides with snow,
long-awaited on the first days of winter,
so have
you and me
We've coincided with you
knowing nothing
about evil and good.
And forever
We've coincided
with this time in the calendar.

ЕВГЕНИЙ ПАПАКУЛЬ, аспирант

Herr Holger

Fru Tala hon drömde hon drömde i natt,
Vak upp här är en god tid.
Att den rike herr Holger han skulle ge tappt,
Den rike herr Holger.

«Jag drömde, jag drömde om vår gångare grå,
Han bar dig till tinguet du dödde där uppå!»

«Min kära fru Tala du säg icke så,
Dina drömmar kan väl vakna om en åtta år».

De stötte på dörren med stänger och spjut:
«Är herr Holger här in där så skall han här ut».

Herr Holger han talte till svennerna två:
I läggen gullsadeln på gångaren grå.

När som de var komna till Köpenhamn,
Der ständar kung Kristian på hvitan den strand.

I varen välkommen herr Holger till mig,
Herr Holger, herr Holger det kostar ditt lif.

Kung Kristian klippte det hufvudet af,
Så blodet det neder till fötterna rann.

När fru Tala fick se hennes herre var lik,
Så domnas hon under skarlaknen hvit.

Herr Holger blev grafven när klockan var tolf,
När klockan var elfva så kom han igen.

Han klappar på dörren med fingrarne små:
«Fru Tala stig upp och dra låsarne frå.

Med ingen så hafver jag stämman utsatt
Och ingen så släpper jag in uti natt.

Min kära fru Tala, gif bonden sin ko
För i helvete der är så svårt att bo.

Fru Tala, gif Romman och Skromman igen,
För i helvete är så svårt att brinna för din vän».

«Nej, om jag så skulle i helvete som svan,
Så vill jag ej blifva utfattig försann.

Får du i helvete med svennerna dina!»
Vak upp här är en god tid.
«Så kommer jag efter med möerna mina».
Den rike herr Holger.

Гэр Хольгер

Фру Таля апоўначы ўбачыла ў сне:
Прачніся, наблізіўся час,
Багаты гэр Хольгер, сужэнец яе,
Павінен панесці адказ.

«На суд цябе конь твой у сне маім нёс,
Забіты там быў ты. Бязлітасны лёс!»

«Каханая Таля, хай восем гадоў
Не бачыць табе гэтых жудасных сноў».

Ды вершнікаў голас пачуўся: «Мы тут,
Бо Хольгера кліча кароль наш на суд».

І Хольгер двум служкам сваім загадаў
Запрэгчы каня, каб ён золатам ззяў.

Калі ў Капенгаген махляр прыскакаў,
Яго кароль Крысцьян ля мора чакаў.

«Я рады, гэр Хольгер, цябе тут вітаць,
Табе ж гэта будзе жыцця каштаваць».

Ён Хольгеру сцяў галаву, ды пацёк
Крываваы ручай да злачынцавых ног.

Пабачыўшы мужа-нябожчыка труп,
Фру Таля здранцвела нямая, бы слуп.

Апоўдні ў магіле Гэр Хольгер ляжаў,
Ды а адзінацатай з мёртвых паўстаў.

Пагрукаў у дзверы ён тонкай рукой:
«Прачніся, фру Таля, бо муж гэта твой.

Паслухай параду маю, а пасля
Вярнуся ў пякельнае вогнішча я.

Прашу ад цябе я ўсяго аднаго:
Аддай селяніну карову яго,

Ды Скруману з Романам грошы вярні,
Бо ў пекле нязносна гарэць у агні».

«Жабрачкаю стаць, каб ісці да чарцей,
Бы белая лебедзь?! Ніколі! Далей

Гары ў апраметнай ды служкі твае!»
Прачніся, наблізіўся час.
«Хай д'ябал крыху пачакае мяне».
Павінен панесці адказ.

АННОТАЦИИ

ДЕНИС КОНДАКОВ, доцент кафедры мировой литературы и культурологии

Роман Джонатана Литтела «Благовоительницы»

Jonathan Littel, *Les Bienveillantes*, Paris, Gallimard, 2006, 1405 p.

Литтел, Джонатан. Благовоительницы / Дж. Литтел; пер. с франц. И. Мельниковой под ред. М. Томашевской. – М.: Ad Marginem Press, 2012. – 800 с.

Начинается эта книга обращением – «Люди-братья». Всякий, кто сумеет дочитать хотя бы до середины этот объемный роман, наверняка возмущенно ответит: «Какой ты мне брат, мразь!» В самом деле, кто же сможет или захочет узнать себя в повествователе, бывшем офицере СС, убийце собственной матери, кровосмесителе, прижившем с собственной сестрой-близнецом детей, гомосексуалисте? Максимилиан Ауэ всем чужой – и однопартийцам-нацистам, и советским солдатам и офицерам, с которыми он воюет в Сталинграде, и евреям, которых по долгу службы отправляет в газовые камеры и печи. Пешка в большой и кровавой исторической и политической игре, он чудом выживает и спасается бегством из майского Берлина 1945-го, чтобы рассказать потомкам об увиденном. Язык его невероятно ясный, прозрачный, отточенный – при описаниях украинской природы, собственных снов, расстрела евреев в Бабьем Яру. Одним словом, это язык правды.

Вот только захочет ли читатель принять откровение? Готов ли он согласиться с подспудно зреющей, неизбежной мыслью, что каждый из нас перед лицом страшной необходимости выбирает из двух зол – встать в ряды палачей или жертв? Для выходцев из стран, воевавших против Гитлера на Востоке, выбор кажется бессмысленным, но неумолимо точный в расстановке акцентов, безупречный в фактографии автор убеждает: нет правых и неправых – есть живые и мертвые.

Если вы читаете по-французски, вам повезло – можно насладиться изощренно выстроенным сюжетом и защититься от ужасных подробностей решеткой чужого языка. Если вы возьмете в руки перевод на русский, то рискуете смертельно разочароваться в себе и людях.

А автор книги нам не вполне чужой. Литтел – производное от еврейской фамилии Лидский, его предки переехали в Америку еще в позапрошлом веке.

ДМИТРИЙ ЛАБОВКИН, магистрант

Фильм Карена Шахназарова «Палата № 6»

Палата № 6

Драма

Режиссер: Карен Шахназаров

В ролях: Владимир Ильин, Алексей Вертков, Евгений Стычкин, Александр Панкратов-Черный, Виктор Соловьев
Россия, Мосфильм, 2009.

83 мин

IMDb 1446130

Принято считать, что в психиатрических клиниках содержат людей, мышление которых не соответствует тем нормам, которые свойственны мышлению и поведению человека психически здорового. Но что, если человек выделяется на фоне обыденности тем, что обладает собственной философией, рассуждает трезво и логично, глубоко мыслит, ловко обнажает человеческие пороки и недостатки в государственном устройстве? Что если этот человек говорит раздражающую, нелюбимую правду о той жизни, которая миллионам людей представляется единственно правильным, выстраивавшимся веками укладом? Стоит ли считать этого человека сумасшедшим? Или умалишенными являются все те миллионы, которые живут как живется, ничего не желая менять? Эти проблемы являются магистральными в фильме Карена Шахназарова «Палата № 6», снятому по одноименной повести А.П. Чехова.

Главврач психбольницы увлекается историей и философией и постепенно теряет интерес к работе, а также ко всему, что связано с повседневностью обывателей. По словам героя, он ощущает себя счастливым только во время чтения. Врач начинает общаться с одним из пациентов, который на удивление оказывается непохожим на умалишенного, но, напротив, производит впечатление человека мыслящего, обладающего устоявшимся мировоззрением, построенным на недовольстве укладом жизни русского общества и стремлении изменить его. В процессе общения личность главврача эволюционирует настолько, что его самого заключают в свою же психбольницу.

Фильм также поднимает вопрос о том, каковы границы здравомыслия, и что следует считать проявлением психического заболевания. В этом плане интересна последняя сцена, когда на экране появляются дети, которые без всякой причины улыбаются и кривляются. Режиссер как бы намекает: «Не является ли сумасшествие результатом обретения детского сознания, не опосредованного бытом?», «А не больны ли в таком случае все, кто нас окружает?».

Стоит отметить, что фильм «Палата №6» снят в псевдодокументальной манере, а время действия повести Чехова перенесено режиссером в современность, что говорит о вечной актуальности произведения русского классика.

Посмотрев этот фильм, Вы непременно ощутите резкий психологический дискомфорт и, скорее всего, спросите себя: «А не сумасшедший ли я сам?»

ПРИМИТЕ К СВЕДЕНИЮ!

Уважаемые читатели! Если Вы хотите, чтобы Ваше произведение было опубликовано на страницах альманаха «Литературный ОбъектИФФ», Вам следует предоставить нам электронный вариант рукописи. Для этого обращайтесь на кафедру мировой литературы и культурологии (ауд. 201) или присылайте файл в формате .doc на электронный адрес LOalmanac@yandex.ru. По всем интересующим Вас вопросам Вы можете обращаться лично к Дмитрию Лабовкину (тел. +375 29 776 86 85 или в ауд. 201), Анастасии Мозго (тел. +375 29 292 67 42 или в ауд. 201) и Сергею Гочакову (тел. +375 33 316 79 70).

Не ограничивайте себя рамками жанров, форм, содержания или объема, но помните, что отбор работ проводится на конкурсной основе. Если Ваше произведение прошло конкурс, однако Вы не встретили его на страницах альманаха, оно обязательно будет издано в следующем номере.

P.S. Будут рассмотрены все работы без исключения. Скорее присылайте Ваши рукописи!

Редколлегия

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От редколлегии</i>	3
-----------------------------	---

ПОЭЗИЯ

Гугнин А.	
<i>Озеро детства</i>	4
<i>Поздний совет</i>	4
Чулова Е.	
<i>Ромео мёрзнет под балконом</i>	5
<i>Кожа пахнет водой</i>	5
Мозго А.	
<i>Сонм ангелов парит у изголовья... ..</i>	5

ПРОЗА

Балтрукова Е.	
<i>Трое на мосту</i>	6
Гочаков С.	
<i>Абракадабра</i>	7

ДРАМАТУРГИЯ

Лабовкин Д.	
<i>Брак</i>	13

ПЕРЕВОДЫ

Emily Dickinson «Grief is a Mouse»	17
Эмили Дикинсон «Печаль – это мышь» (Перевод Д. Лабовкина)	17
Борис Гребенщиков «Город»	17
Boris Grebenshchikov «A Town» (Перевод О. Ковтун)	17
Николай Гумилёв «У меня не живут цветы...»	18
Nikolay Gumilev «All flowers get dead at my home...» (Перевод Е. Балтруковой)	18
Роберт Рождественский «Мы совпали с тобой...»	18
Robert Rozhdestvensky «We've coincided with you...» (Перевод Е. Кучеренко)	18
Шведская народная баллада «Herr Holger» (Перевод Е. Папакуль)	19

АННОТАЦИИ

Кондаков Д.	
Роман Джонатана Литтла «Благоволительницы»	20
Лабовкин Д.	
Фильм Карена Шахназарова «Палата № 6»	20
Примите к сведению	21

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБЪЕКТИФФ

Литературный альманах

Основан в 2014 году

Выпуск 1

Ответственная за выпуск *А.И. Мозго*
Компьютерная верстка *Д.А. Лабовкин, С.В. Гочаков, А.И. Мозго*
Дизайн обложки *В.В. Гочаков*

Подписано в печать 23.01.2014. Формат 60х84 $\frac{1}{8}$. Бумага офсетная. Ризография.
Усл. печ. л. 2,32. Уч.-изд. л. 1,8. Тираж 99 экз. Заказ 73.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования «Полоцкий государственный университет».

ЛИ № 02330/0548568 от 26.06.2009 ЛП № 02330/0494256 от 27.05.2009

Ул. Блохина, 29, 211440, г. Новополоцк.

